

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Гражданско-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)**

на тему «Правовая природа принципов договорного права»

Студент

М. И. Антонова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

к.ю.н., А. В. Сергеев

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2022

Аннотация

Тема бакалаврской работы – «Правовая природа принципов договорного права». Актуальность работы заключается в том, что принципы являются основой, базой любого правоотношения, и в частности договорного. Детальное исследование принципов договорного права позволит определить их влияние на формирование и развитие данной отрасли, а также выявить имеющиеся проблемы в реализации данных принципов на практике.

Объектом исследования являются принципы договорного права.

Предметом исследования – понятие, значение, основные виды принципов договорного права.

Целью данной работы является изучение правового регулирования принципов договорного права в РФ.

Для достижения поставленной в работе цели решались следующие задачи:

- проанализировать труды учёных-юристов и нормативно-правовые акты в области принципов договорного права;
- сформулировать понятие принципов договорного права;
- выявить значение принципов договорного права;
- раскрыть основные принципы договорного права и выявить проблемы их реализации.

Методами исследования являются общенаучные (анализ, синтез и индукция) и специальный (сравнительный метод).

Нормативно-правовая база исследования: Гражданский кодекс Российской Федерации, другие федеральные законы, содержащие и регулирующие принципы договорного права.

Структура исследования состоит из введения, трёх глав, семи параграфов, заключения и списка используемой литературы и источников.

Объем выпускной квалификационной работы составляет 50 страниц.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Понятие и значение принципов договорного права	6
1.1 Понятие принципов договорного права.....	6
1.2 Значение принципов договорного права.....	9
Глава 2 Свобода договора как основополагающий принцип	13
договорного права.....	13
2.1 Понятие свободы договора и её ограничения	13
2.2 Особенности диспозитивности норм ГК РФ	19
Глава 3 Отдельные принципы договорного права и проблемы их	24
реализации	24
3.1 Принцип добросовестности.....	24
3.2 Принцип разумности	31
3.3 Принцип юридического равенства сторон.....	38
Заключение	45
Список используемой литературы и используемых источников.....	47

Введение

Актуальность выбранной темы не вызывает сомнений, так как сложно поспорить с тем, что тема принципов договорного права является недостаточно исследованной в современной юридической науке, несмотря на то, что принципы являются основой, так называемой отправной точкой, с которой начинается абсолютно любое правоотношение, и в частности договорное. Формирование принципов предопределяет формирование всего договорного права и законодательства, так как оно должно соответствовать и не должно противоречить этим принципам. Исследование данной темы позволяет определить, каким образом принципы определяют и влияют на договорное право, а также выявить проблемы, которые возникают при осуществлении данных принципов на практике.

Цель работы состоит в исследовании такого явления как принципы договорного права и их правового регулирования в РФ.

Для достижения поставленной в работе цели решались следующие задачи:

- проанализировать труды учёных-юристов и нормативно-правовые акты в области принципов договорного права.
- раскрыть понятие принципов договорного права.
- выявить их значение.
- раскрыть основные виды принципов договорного права и выявить проблемы их реализации.

Объектом исследования являются принципы договорного права. Предметом – их понятие, значение, основные виды.

Нормативно-правовой базой исследования выступили Гражданский кодекс Российской Федерации, Закон «О защите прав потребителей», другие федеральные законы, содержащие и регулирующие принципы договорного права.

Теоретической основой послужили научные исследования ученых в области принципов договорного права. Среди учёных можно назвать Мальцева Г. В., Понкина И. В., Эриашвили Н. Д., Климову А. Н. и других. Также были использованы материалы периодической печати и материалы судебной практики.

В работе использовались такие методы познания как общенаучные (анализ, синтез и индукция) и специальный (сравнительный метод).

Работа включает в себя введение, 3 главы и заключение.

Первая глава раскрывает понятие принципов договорного права, их правовое значение.

Во второй главе раскрыт принцип свободы договора как основополагающий принцип договорного права.

В третьей главе раскрыты отдельные принципы договорного права и проблемы их реализации.

В заключении подведены итоги и сделаны выводы исследования.

Глава 1 Понятие и значение принципов договорного права

1.1 Понятие принципов договорного права

Хотя понятие принципов права и не является законодательно закреплённым, оно занимает решающее место в юридической теории права. Многие учёные-юристы предлагали свои определения и подходы к данному явлению. Рассмотрим некоторые из них.

Начнём с определения, что такое принцип в самом первичном его значении: согласно Большой Советской энциклопедии, «принцип (от лат. *prīncipiūm* – начало, основа) – основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки и т.д.; внутреннее убеждение человека, взгляд на вещи»[2, с. 529]. Данное определение указывает на происхождение самого слова «принцип» и на его исходную цель – быть началом, основой чего-либо. Так, принципы договорного права являются основой, фундаментом, на котором строится данная подотрасль.

Г. В. Мальцев писал: «Сущность принципов (познания и мышления, опыта и действия) объективна, она отражает устойчивые, повторяющиеся связи между явлениями в природе и обществе. За каждым принципом стоит определенная закономерность, естественный или социальный закон»[16, с. 662]. Из этого определения можно вычлени́ть один из признаков, характерных для принципов права – они всегда объективны, так как отражают реально существующую взаимосвязь явлений, а не субъективный взгляд законодателя.

Также стоит отметить, что большинство учёных считают, что для принципов права характерна законодательная закреплённость – то есть они в любом случае так или иначе отражены в законе – это может происходить либо в виде отдельного определения конкретного принципа, либо в виде чёткого указания в норме на существование данного принципа. Данной позиции придерживаются В. М. Шамаров и В. Н. Казаков, которые

указывают: «одним из содержательных элементов понятия «принципы права» является констатация их закрепления как в конкретных законодательных нормах, так и в иных нормах права»[34, с. 131].

Причём принципы права, как отмечает Климова А. Н., «могут закрепляться в конкретной правовой норме (то есть точно) либо вытекать из смысла ряда гражданско-правовых норм. Другими словами, закрепляться системно»[12, с. 87].

Так, например, о существовании основных принципов договорного права прямо говорит статья 1 Гражданского кодекса РФ. Нужно отметить, что указание на принципы в самой первой статье данного правового акта ещё раз подчёркивает их важность и основополагающую роль.

И. В. Понкин определяет принцип права так: «артикулированная содержательно емкая основополагающая истина (максима), фундаментальное положение концепции, теории, науки и т.д.»[23, с. 281]. Из этого понятия можно выделить ещё один признак принципов права – содержательная ёмкость – несмотря на их текстовую краткость, принципы права заключают в себе очень большой объём смысловой нагрузки и информативности.

Так, например, один из основополагающих принципов договорного права – свобода договора – по своей формулировке максимально лаконичен и краток, но при этом он раскрывается во множестве значений и вариантов предполагаемого и желаемого поведения участников договорного правоотношения.

Ещё одним признаком принципов права можно назвать их универсальность, так как один принцип права может подлежать применению и регулировать достаточно широкий круг правовых отношений. Так, например, рассматриваемые принципы договорного права регулируют целую совокупность правовых отношений, которую содержит данная подотрасль – существует огромное количество разновидностей договоров и каждый из них должен подчиняться принципам договорного права.

Эриашвили Н. Д., Иванова Ю. А. и Радченко Т. В. отмечают, что ещё одним из аспектов принципов права «является их свойство выражения прямых действий или предписаний, при условии того, что они имеют достаточно абстрактную, своеобразную форму выражения»[35, с. 60]. То есть, из этого можно вывести, что несмотря на популярное мнение о том, что принципы права являются по своей сути лишь абстрактными декларативными категориями, существующими только в теории и не имеющими правового применения, в реальности же принципы права конкретно и чётко закрепляют и регулируют поведение участников правоотношения.

Рассматривая принципы права, необходимо отметить, что «выделяют общеправовые принципы, действие которых распространяется на все без исключения отрасли права, а также межотраслевые и отраслевые принципы, призванные детализировать и уточнять значение общих принципов»[35, с. 62]. Из этого можно сделать вывод, что принципы права являются взаимосвязанными, что они не просто существуют в виде разрозненных положений, а наоборот, часто вытекают один из другого и дополняют друг друга. Таким образом, выделяется ещё один признак, присущий принципам права – в своей совокупности они образуют систему.

Абсалямова Т. О. и Подмарькова О. С. придерживаются позиции, что «за нарушение принципов предусмотрены неблагоприятные последствия, т.е. они наделены реальными санкциями»[1, с. 114]. Представляется возможным согласиться с такой точкой зрения, ведь несмотря на то, что законодательно закреплённые принципы права не содержат в своей нормативной структуре санкцию или указание на неё, однако за нарушением данных принципов всегда следует юридическая ответственность.

Так, например, статья 428 ГК РФ прямо указывает на то, что договор присоединения, заключенный с нарушением принципа равенства сторон, может быть оспорен в суде стороной, объём прав которой непропорционален объёму прав другой стороны.

Таким образом, рассмотрев понятие принципов договорного права с различных точек зрения, и выделив несколько характерных для них признаков, можно составить своё определение, отражающее несколько аспектов: принципы договорного права – это основополагающие фундаментальные содержательно ёмкие универсальные правовые начала и положения, регулирующие договорные правоотношения. Данные идеи объективно отражают взаимосвязь общественных, экономических и правовых явлений, являются законодательно закреплёнными и охраняемыми государством и в своей совокупности образуют систему.

1.2 Значение принципов договорного права

Как следует из выведенного понятия принципов договорного права, они служат для договорного права основополагающими фундаментальными правовыми началами и положениями. Таким образом, основным, первичным значением принципов договорного права является то, что они закладывают саму основу договорного права, именно с них начинается существование данной подотрасли, и они определяют её дальнейшее развитие.

Но кроме основного значения рассматриваемых положений, существуют и дополнительные, позволяющие увидеть, что принципы договорного права служат решению достаточно широкого круга правовых задач.

Во-первых, необходимо выделить, что принципы права позволяют поддерживать сложившийся порядок и сохранять стабильность в стране и в обществе. Эриашвили Н. Д. отмечает, что «принципы права обеспечивают сохранение правового, социально-ориентированного государства»[35,с. 60]. Так, следуя и подчиняясь принципам договорного права при вступлении в договорные правоотношения, люди поддерживают законность и безопасность данных правоотношений, обеспечивают исполнение прав не только другой стороны, но и своих собственных.

Во-вторых, принципы договорного права непосредственно связаны с нормами договорного права, так как именно принципы являются основой, базой, на которой стоится и которой определяется норма права. То есть, принципы договорного права формируют всю нормативную основу данной подотрасли.

В научной среде общепринятым является мнение, что «в процессе законотворческой деятельности уполномоченные лица обязаны опираться на принципы права, т.к. именно они определяют векторы и построения и применения правовой нормы»[35, с. 60]. Таким образом, принципы определяют всю деятельность законодательных органов, как на федеральном, так и на более низших уровнях.

В-третьих, немаловажной задачей принципов договорного права является прямое регулирование договорных правоотношений. Так, законодатель не может учесть в нормативном акте все возможные правовые и жизненные ситуации и варианты их развития, поэтому нередким явлением является существование в законе так называемых «пробелов». При наличии данных пробелов именно принципами договорного права руководствуются участники договорных правоотношений, а также суды, разрешая возникающие конфликты.

На данную функцию принципов прямо указывает ч. 2 ст. 6 ГК РФ: «при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости»[4].

В дополнение к этому, следует отметить, что применение принципов договорного права в процессе судопроизводства оказывает непосредственное влияние на формирование общей для всего государства и логически согласованной судебной практики, которой могут в дальнейшем руководствоваться суды, «поскольку многие гражданско-правовые нормы носят оценочный характер и требуют в той или иной степени судейского

усмотрения»[12, с. 88]. Это предотвращает разрозненность в результатах судебных решений и позволяет снизить количество оспариваемых, отменённых и изменённых решений, что существенно облегчает работу судебной системы.

Некоторые учёные-юристы считают, что через принципы права можно непосредственно проследить направленность и особенности юридической политики государства. Представляется возможным не согласиться с данной позицией, так как она противоречит одному из выведенных в данной работе признаков, характерных для принципов права – объективности. Шамаров В. М. и Казаков В. Н. верно отмечают, что «принципы права отражают объективность права, а правовая политика государства – субъективное явление, не всегда отражающая природу права, и, как правило, она предопределяется политическим режимом страны»[34, с. 133].

Ещё одной важной правовой особенностью принципов договорного права является то, что через них в право проникают и транслируются нормы морали, нравственные установки, которые делают право более справедливым, разграничивают добро и зло в правовых поступках, устанавливают в праве такие моральные критерии как честность, добросовестность, равенство и другие.

О взаимодействии моральных норм и принципов права так отзываются Эриашвили Н. Д., Иванова Ю. А. и Радченко Т. В.: «специфика их соотношения заключается в том, что некоторые нравственные нормы могут буквально становиться правовыми принципами, а принципы, в свою очередь, наполняются этическим содержанием»[35, с. 61].

Также стоит указать на то, что в научной среде существует мнение, что одним из важнейших показателей эффективности работы правовой нормы по регулированию той или иной категории правовых отношений является её соотношение и непротиворечие принципам права. Отсюда можно вывести ещё одну важнейшую правовую функцию принципов договорного права – они «являются базовым показателем для определения рациональности и

эффективности той или иной правовой категории, на которой построен механизм правового регулирования»[35, с. 62].

Итак, рассмотрев различные аспекты и признаки таких явлений, как принципы договорного права можно сделать следующие выводы:

– принципы договорного права – это основополагающие фундаментальные содержательно ёмкие универсальные правовые начала и положения, регулирующие договорные правоотношения. Данные идеи объективно отражают взаимосвязь общественных, экономических и правовых явлений, являются законодательно закреплёнными и охраняемыми государством и в своей совокупности образуют систему.

Также было выявлено правовое значение данных категорий, важнейшим является то, что они закладывают саму основу договорного права. Также принципы поддерживают законность и порядок в стране, формируют нормы договорного права, помогают восполнять пробелы законодательства и переносят нормы морали в сферу права.

Глава 2 Свобода договора как основополагающий принцип договорного права

2.1 Понятие свободы договора и её ограничения

Принцип свободы договора можно назвать одним из основополагающих принципов договорного права. Он является базой и составляет основу регулирования гражданского и в частности договорного права. Особую значимость и важность свободы договора отметил Конституционный суд: «право собственности и свобода договора как необходимые элементы конституционного статуса личности, наряду с другими непосредственно действующими правами и свободами, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»[28].

Определяющую роль данного принципа для договорного права подчёркивает Гурьянова Н. В.: «реализация принципа свободы договора наиболее способствует развитию свободных правоотношений равных и автономных субъектов, которые могут урегулировать свои гражданско-правовые связи на основе диспозитивных норм и с учетом императивных предписаний»[7, с. 14].

Как уже отмечалось ранее, принцип свободы договора устанавливается и законодательно закрепляется в самой первой статье ГК РФ, наравне с другими принципами договорного права. Но также стоит отметить, что данный принцип конкретизируется в отдельной, специальной статье 421 ГК РФ, которая более полно раскрывает его значение и подчёркивает значимость данного принципа. Рассмотрим аспекты принципа свободы договора, раскрытые в статье 421.

Во-первых, «граждане и юридические лица свободны в заключении договора»[4]. Это означает, что участники договорных правоотношений

самостоятельно решают, заключать им договор или нет, не руководствуясь ничем, кроме своей собственной воли и собственных интересов.

Данное положение показывает зависимость развития договорного законодательства от изменения вида экономической системы в государстве – замена плановой экономики на рыночную открыла больше возможностей для субъектов договорных правоотношений по сравнению с советским периодом.

Стоит отметить, что данная статья не только подробно раскрывает аспекты принципа свободы договора, но и ясно даёт понять, что данная свобода не абсолютна, и существуют определённые ограничения. Так, согласно тому же пункту, субъекта всё-таки возможно понудить к заключению договора, но только когда «обязанность заключить договор предусмотрена настоящим Кодексом, законом или добровольно принятым обязательством»[4].

Так, в качестве примера, предусмотренного кодексом, можно привести невозможность отказа предпринимателя от заключения публичного договора (ст. 426 ГК РФ), а в качестве примера добровольного обязательства чаще всего на практике выступает заключенный сторонами предварительный договор.

Во-вторых, «стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами»[4]. То есть, стороны не ограничены количеством видов договоров, описанных в правовых актах, и могут по сути создать свой собственный, уникальный договор, отличающийся от существующих, например, в области предмета, распределения рисков для сторон и так далее.

Эта возможность обеспечивает и поддерживает правовую гибкость в условиях постоянно развивающейся и эволюционирующей экономики и хозяйства, позволяет субъектам подстраивать договоры под свои изменяющиеся нужды.

В-третьих, «стороны могут заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными

правовыми актами (смешанный договор)»[4]. Такой договор будет состоять из различных частей разных договоров, условия которых являются наиболее удобными и подходящими для конкретного правоотношения сторон. И к каждой такой части договора будут применяться соответственно положения о тех видах договоров, к которым относится данная часть.

В качестве примера подобного договора можно привести договор обмена товаров на услуги, который содержит в себе элементы купли-продажи и возмездного оказания услуг.

Законодатель отмечает, что если в договоре отсутствуют признаки того, что он является смешанным, к нему не могут применяться правила об отдельных видах договоров. Однако в данном случае оставлена возможность применения аналогии закона в целях «защиты охраняемых законом интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов или недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон»[29].

В-четвертых, стороны договорного правоотношения могут предусмотреть в договоре те условия, которые сочтут нужными и удобными для них, они не обязаны пользоваться каким-либо типовым шаблоном. Однако и здесь существует ограничение, призванное сохранить законность – «договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения»[4].

Некоторые учёные относят к элементам принципа свободы договора также свободу сторон при расторжении договора, справедливо отмечая, что данный принцип должен соблюдаться не только на стадии заключения договора, но и на последующих стадиях, то есть, при исполнении договора и его расторжении.

Однако в противовес данному мнению стоит отметить, что по общему правилу каждая из сторон по отдельности не свободна в расторжении договора, так как согласно статье 310 ГК, «односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не

допускаются»[4]. Данное правило ограничивает самостоятельные действия сторон, так как чтобы расторгнуть или изменить договор, они должны совместно прийти к общему для них соглашению.

В то же время в целях соблюдения принципа свободы договора и в интересах более слабой стороны для договора присоединения существует возможность для присоединившейся стороны «потребовать расторжения или изменения договора, если договор присоединения хотя и не противоречит закону и иным правовым актам, но лишает эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержит другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия»[4].

Данное исключение из общего правила существует из-за специфики заключения договора присоединения, заключающейся в том, что его условия полностью определяются только одной стороной, а вторая сторона уполномочена лишь выбрать, заключить этот договор или нет.

Соответственно, ограничивая в данном случае свободу одной стороны при заключении договора, законодатель расширяет круг её прав при изменении и расторжении договора, поддерживая таким образом баланс интересов сторон.

Как уже было отмечено, основные элементы рассматриваемого принципа отражены в статье 421 ГК. Однако в полной мере раскрытие принципа свободы договора можно проследить во множестве других статей первой и второй части ГК РФ, которые содержат диспозитивные положения

Таким образом, с учётом всех аспектов, «принцип свободы договора – это закреплённое в законе основное начало гражданского права, устанавливающее для субъектов договорных отношений свободу заключения договора, выбора его вида и определения его содержания»[19, с. 152].

Как уже отмечалось ранее, свобода договора не является абсолютной и существуют определённые ограничения. Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, из множества статей Гражданского кодекса следует, что свобода заключать или не заключать договор ограничивается тогда, когда существует преимущественное право для определённых субъектов на заключение договора.

Так, например, ГК РФ «устанавливает преимущественное право: участников общей собственности на покупку доли в праве общей собственности (ст. 250 ГК РФ); арендатора заключить договор аренды на новый срок предусмотрено ст. 621 ГК РФ; нанимателя заключить договор найма жилого помещения на новый срок – ст. 684 ГК РФ, а аналогичное право заключения договора коммерческой концессии – ст. 1035 ГК РФ»[18, с. 281].

Данные положения служат поддержанию общественного порядка и позволяют построить выгодные для обоих субъектов договорные правоотношения – то есть служат цели баланса интересов сторон.

Также ограничение свободы заключать или не заключать договор установлено в статье 527 ГК, которая по сути устанавливает «обязанность разместившего заказ государственного или муниципального заказчика заключить договор поставки для государственных или муниципальных нужд с любым поставщиком, принявшим заказ»[32, с. 308]. Данное ограничение служит соблюдению как публичных интересов (государства и общества в целом), так и интересов отдельных предпринимателей.

Во-вторых, ограничение свободы договора несёт в себе уже упоминавшуюся ранее цель защиты так называемой «слабой» стороны договорных отношений. На практике очень часто такой стороной выступает потребитель, заключающий договор с предпринимателем. Поэтому в статье 16 Закона «О защите прав потребителей» наложен запрет на условия, «ущемляющие права потребителя по сравнению с правилами, установленными законами или иными правовыми актами Российской Федерации в области защиты прав потребителей»[10].

В-третьих, такое ограничение часто служит предупреждению злоупотребления правом – не допускает использование договора для достижения корыстных целей, которые изначально не предусматривались законом, получения злостной выгоды. Например, статья 575 ГК РФ запрещает дарение: «за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей:

1) от имени малолетних и граждан, признанных недееспособными, их законными представителями;

2) работникам образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, и аналогичных организаций, в том числе организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, гражданами, находящимися в них на лечении, содержании или воспитании, супругами и родственниками этих граждан;

3) лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка России в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей;

4) в отношениях между коммерческими организациями»[4].

Можно отметить также, что хотя стороны и свободны в установлении условий договора, право сторон выбирать условия, включаемые в договор, по своему усмотрению ограничивается существующей обязанностью указать в договоре все существенные условия, закреплённые в законе для данного вида договора.

Также судебная практика показывает, что «при заключении договора, проект которого был предложен одной из сторон и содержал в себе условия, являющиеся явно обременительными для ее контрагента и существенным образом нарушающие баланс интересов сторон (несправедливые договорные условия), а контрагент был поставлен в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора (то есть

оказался слабой стороной договора), суд вправе применить к такому договору положения пункта 2 статьи 428 ГК РФ о договорах присоединения, изменив или расторгнув соответствующий договор по требованию такого контрагента»[29].

2.2 Особенности диспозитивности норм ГК РФ

Рассматривая принцип свободы договора и его нормативно-правовое регулирование, нельзя не обратиться к Постановлению Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» (далее – Постановление). В данном Постановлении приведены очень спорные позиции о толковании норм ГК РФ, по своей сути расширяющие свободу договора. Актуальность вопроса толкования данных норм не вызывает сомнений, так как разные правоприменители могут толковать одну ту же норму как в диспозитивном ключе, так и в императивном. По поводу данных положений Постановления до сих пор существуют споры и разделение мнений в научной юридической среде.

Так, по мнению суда, «если норма не содержит явно выраженного запрета на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного в ней, она должна рассматриваться как диспозитивная»[29]. Следовательно, это положение по сути наделяет стороны договора правом вовсе не следовать норме, она становится лишь рекомендацией, а не правилом поведения.

В противовес изложенному судом мнению можно указать мнение, что «правовые режимы поименованных договоров возникать могут только на основании императивных предписаний: абсолютно все главы и параграфы ГК, в которых эти режимы представлены, открываются статьями, императивно их распространяющих на любые договоры, обладающие признаками поименованных»[3, с. 4].

Также становится неясным назначение такой оговорки во многих нормах права, как «если иное не установлено соглашением сторон»[4], ведь суд говорит о том, что стороны вольны отступать от нормы во всех случаях.

Нельзя не согласиться с мнением В. Л. Вольфсона, который подчёркивает, что «норма права без диспозитивной оговорки, пусть и не содержащая эксплицитного запрета, вовсе не является рекомендацией. Дополнительным аргументом здесь служит несовместимость предложенного в Постановлении Пленума ВАС подхода с системными принципами толкования: невозможно считать имплицитно диспозитивными нормы без диспозитивных оговорок в условиях, когда в колоссальное число норм договорного права такие оговорки эксплицитно включены»[3, с. 3].

При этом, рассматриваемое Постановление говорит, о том, что нормы без оговорки всё-таки могут являться императивными, в случае если «исходя из целей законодательного регулирования это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т.д.), недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон либо императивность нормы вытекает из существа законодательного регулирования данного вида договора»[29]. Причём принятие решения о предполагаемой императивности или диспозитивности нормы возлагается на суд.

Анализ судебной практики в данной области показывает, что суды нередко придерживаются совершенно противоположных позиций по поводу возможности диспозитивного толкования определённых норм и установления сторонами условий, не указанных в законе. В качестве примера можно отметить различное толкование судами статьи 782 ГК РФ.

Так, диспозитивную квалификацию данной нормы предложил Арбитражный суд Московского округа, подтверждая в своём решении право сторон договора предусмотреть неустойку за односторонний отказ от договора возмездного оказания услуг: «положения ст. 782 Гражданского кодекса Российской Федерации, дающие каждой из сторон договора

возмездного оказания услуг право на немотивированный односторонний отказ от исполнения договора и предусматривающие неравное распределение между сторонами неблагоприятных последствий прекращения договора, не исключают возможность согласования сторонами договора иного режима определения последствий отказа от договора»[24].

Суд также отметил, что стороны «знали все условия этого соглашения и были с ними согласны, с учетом того, что буквальное толкование заключенного соглашения позволяет сделать вывод о том, что подлежащие выплате денежные суммы, поименованные в соглашении неустойкой, не изменяет их сути, которая состоит не в привлечении к ответственности стороны, решившей досрочно отказаться от договора, а устанавливая иной режим последствий отказа от договора в виде выплаты определенной денежной суммы»[24].

Напротив, Арбитражный суд Поволжского округа назвал ничтожным условие о выплате неустойки за односторонний отказ от договора: «включение в текст договора о возмездном оказании услуг условия о выплате неустойки, вне зависимости от размера фактически понесенных расходов, противоречит основным началам гражданского законодательства, допускающим свободу сторон в определении любых условий договора, если они не противоречат законодательству (пункт 2 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации)»[26]. Суд указал, что «предусмотренное законом право на отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг недопустимо ограничивать путем установления неустойки за реализацию этого права»[26].

При этом следует отметить, что оба суда при вынесении решений ссылались на рассматриваемое Постановление и указывали, что их позиции полностью соответствуют и не противоречат разъяснениям, представленным в данном Постановлении.

Таким образом, анализ положений Постановления Высшего Арбитражного Суда в их совокупности с судебной практикой показывает,

что хотя их изначальной целью является расширение диспозитивности в договорных правоотношениях и наделение сторон ещё большими правами, следование им создаст дисбаланс в системе разделения властей, поскольку суд будет наделён возможностью трактовать нормы так, как посчитает нужным, создаст правовую неопределённость, произойдёт конфликт с законодательной властью. И на интересы сторон договорных правоотношений это повлияет не лучшим образом.

Говоря о расширении диспозитивности, представляется возможным предложить дать не судам превращать императивные нормы в диспозитивные, а сделать это на уровне законодательства, добавив в статьи, посвящённые договорам, возможность для сторон предусматривать свои варианты и условия в тех или иных аспектах.

Так, Гучапшев Ш.А. отмечает, что «при этом интересы лиц, для защиты которых требуется императивное регулирование – слабая сторона в договорах, не участвующие в них третьи лица, а также публичные интересы, не пострадают, а контрагенты получают новые инструменты законодательной техники, позволяющие разнообразить варианты регулирования их взаимоотношений»[8, с. 80]

Аналогичной позиции придерживается Гурьянова Н. В., предлагая усовершенствовать статью 475 ГК РФ: «к расширению вариативности диспозитивного регулирования договоров купли-продажи привело бы включение в статью 475 Гражданского кодекса РФ о последствиях передачи покупателю товара ненадлежащего качества норм, предоставляющих сторонам право своим соглашением определять критерии существенности недостатков товара и предусматривать иные последствия названного нарушения»[7, с. 15].

Таким образом, можно сделать вывод, что грамотное увеличение диспозитивности и законодательное наделение сторон большим количеством прав будет помогать реализации принципа свободы договора и послужит

соблюдению как интересов субъектов договорных правоотношений, так и публичных интересов.

Итак, был изучен принцип договорного права, проанализировано его нормативно-правовое регулирование и выделены основные аспекты и элементы данного принципа. Можно сделать вывод, что принцип свободы договора – это основополагающий принцип договорного права, устанавливающий для сторон договорных правоотношений свободу заключать или не заключать договор, выбирать его вид и условия.

Свобода договора не является абсолютной, и законодатель во многих случаях ограничивает её. Данные ограничения служат следующим целям:

- поддержание баланса интересов сторон,
- соблюдение публичных интересов,
- защита интересов слабой стороны договора,
- предупреждение злоупотребления правом.

Также была выявлена проблема различного толкования судами норм Гражданского кодекса в области договорного права по вопросу отнесения тех или иных норм к императивным или диспозитивным. Для преодоления данной проблемы было предложено расширить диспозитивность норм на законодательном уровне.

Глава 3 Отдельные принципы договорного права и проблемы их реализации

3.1 Принцип добросовестности

Так же, как и остальные рассматриваемые в данной работе принципы, принцип добросовестности занимает основополагающее место в договорном регулировании, что подчёркивается его законодательным закреплением в статье 1 ГК РФ. Закрепление данного принципа является важным ещё и потому, что он во взаимодействии с такими принципами, как например, свобода договора или автономия воли, выступает в качестве сдерживающего положения для них.

Законодателем выделен целый ряд ситуаций, в которых именно добросовестность поведения стороны договора будет выступать критерием правомерности или неправомерности её действий (например, добросовестный или недобросовестный приобретатель вещи).

Коновалов А. В. отмечает, что «между полями правомерности и противоправности поведения расположена некая «нейтральная полоса», в пределах которой действия субъекта могут повлечь нарушение чьего-либо права, но в зависимости от их характера – недобросовестного или добросовестного – либо будут противоправными, либо нет»[14, с. 7]. Это ещё раз подчёркивает важность выделения принципа добросовестности как основного начала договорного права.

В юридической науке не существует общего, единого понятия принципа добросовестности. Многие авторы сходятся на том, что данный принцип вытекает из философских, нравственных категорий, его основой являются нормы морали. И даже само слово «добросовестность» является как бы слиянием двух философских понятий: добро и совесть.

Совесть понимается большинством людей как внутреннее оценивание человеком своих действий с точки зрения их правильности и следование его

поведения определённым внутренним принципам. Если следовать данному подходу, можно предположить, что добросовестный субъект – это тот, кто действует согласно своим критериям правильности поступков.

Однако, как справедливо отмечает А. Я. Рыженков, «при таком подходе, во-первых, было бы крайне затруднительно, если вообще возможно, определить наличие или отсутствие добросовестности, и, во-вторых, неясно, как быть с теми, у кого представления о должном и правильном отличаются от общепринятых в данном социуме»[31, с. 2].

Таким образом, нельзя раскрывать принцип добросовестности только лишь через призму внутренних убеждений субъекта, по поводу поведения которого существуют сомнения, о правильности своих действий, так как его представления о допустимом и правильном могут кардинально отличаться от принятых в обществе.

Образцова В. И. одним из критериев принципа добросовестности признаёт обязанность субъекта «проявлять заботу о справедливых интересах других участников гражданско-правовых отношений»[20, с. 154].

В противоположность данному мнению многие исследователи отмечают, что договорные отношения по своей сути направлены на получение субъектом прибыли, на улучшение своего положения, действия в своих интересах, а забота же об интересах другой стороны не является их самоцелью.

Согласно данной точке зрения, представляется более точным определять принцип добросовестности не только через призму предполагаемой абстрактной «заботы», но и как ограничение действий субъектов в осуществлении своих прав (в том числе и ограничение свободы договора), недопущение злонамеренного использования своих прав (злоупотребления ими), а также как отправную точку привлечения к ответственности за такие действия.

Так, например, статья 431.1 ГК РФ прямо предусматривает в качестве основания, по которому договор может быть признан недействительным, как раз недобросовестное поведение субъекта.

После закрепления принципа добросовестности во многих нормах, регулирующих договорные правоотношения, начали появляться нововведения, отвечающие данному принципу и определяющие варианты недобросовестного поведения. Так, например, в статье 809 ГК в 2018 году появилось положение о недопустимости так называемых «ростовщических процентов», которые являются завышенными и применение которых несоизмеримо с обычными предполагаемыми процентами чрезмерно ухудшает положение должника.

Как уже отмечалось ранее, в законодательстве не обозначено чёткое понятие добросовестности. В юридической научной среде также ведутся споры по поводу данного явления и до сих пор учёные так и не пришли к единому мнению о том, что же следует понимать под добросовестностью. Соответственно, на настоящий момент законодательное закрепление данного понятия пока не представляется возможным, так как его критерии и границы слишком зыбки.

Следовательно, решением данной проблемы будет являться определение критериев и аспектов добросовестности в каждом конкретном случае путём обращения к помощи различных средств выяснения данных критериев.

Первым способом определения критериев добросовестности можно назвать обращение к судебной практике. Необходимо отметить, что хотя в России формально и не существует прецедентного права, однако правоприменители повсеместно, часто и активно пользуются уже существующими судебными актами при вынесении решения. Соответственно, при определении критериев добросовестности в том или ином случае, суды могут обратиться к похожим прецедентам.

Говоря о толковании судами понятия добросовестности, Верховный Суд в своём постановлении отмечает: «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации»[30]. Это положение подтверждает нашу позицию о том, что добросовестность является оценочной категорией и её определение отдаётся в руки суда в каждом конкретном случае.

С одной стороны, это позволяет увеличить значение суда, дать ему больше средств для защиты прав субъектов договорного правоотношения, учитывая то, что суд может усмотреть недобросовестность самостоятельно, даже если сторона о ней не подозревала или просто не сослалась на неё. Также определение добросовестности судом может помочь конкретизировать данный принцип, систематизировать случаи его нарушения и выработать судебную практику, которая в совокупности с правовыми нормами будет выступать подспорьем в дальнейшем разрешении таких дел.

С другой стороны, существующая неконкретность и оценочность понятия добросовестности и случаев её нарушения приводит к тому, что субъективные суждения некоторых судей приводят к неправильному разрешению дела и отмене решения в дальнейшем, что негативно сказывается на работе судебной системы и на грамотной защите нарушенных прав.

Так, можно привести пример из судебной практики, где банк, согласно условиям договора, в одностороннем порядке изменил некоторые из них. Одним из таких изменений было увеличение процентов по кредитному договору в два раза. Так как должник впоследствии не смог вернуть кредит, банк обратился в суд, потребовав принудительного взыскания. Суд первой инстанции встал на сторону банка, не усмотрев в его действиях нарушения принципа добросовестности. Однако суд апелляционной инстанции не согласился с данным решением, указав, что «увеличение банком ставки

процентов по кредиту в 2 раза не может расцениваться как разумное и добросовестное поведение»[33, с. 111].

Также, несмотря на удобство обращения к прецедентам, не следует забывать, что не все из них являются абсолютно верными. Некоторые прецеденты оцениваются многими учёными как ошибочные или спорные, а содержащаяся в них аргументация подвергается критике.

В качестве примера неудачного прецедента можно привести апелляционное определение «по делу об истребовании имущества из чужого незаконного пользования. Требование истца было удовлетворено на основании признания приобретателя как недобросовестного на основании того, что приобретатель не проявил должной осмотрительности при заключении сделки купли-продажи, то есть, не совершил всех необходимых для добросовестности зависящих от него действий по проверки приобретаемой недвижимости на предмет возможных притязаний на объект со стороны других лиц. В данном случае был создан прецедент непозволительно расширенного толкования понятия добросовестности, так как не было указано, какие именно действия должен был произвести приобретатель, и какой именно нормой права предписываются соответствующие обязанности. Выходит, что «не знал и не мог знать» (критерий, определяющий добросовестность) превратилось в «должен был узнать», хотя законом не предусматривается совершение приобретателем специфических действий, направленных на прояснение возможных притязаний других лиц»[31, с. 3].

Некоторые исследователи считают, что вложение в руки судов такой ответственности, как самостоятельное трактование понятия недобросовестного поведения приводит к тому, что «суды могут не понимать эту проблему определения добросовестности, могут бояться ее и сторониться во избежание персональной дискредитации как со стороны общества, СМИ, так и со стороны судов высшей инстанции»[9, с. 116]. Однако представляется возможным указать, что целесообразность и полезность существования

судебного толкования как одного из способов выяснения и закрепления критериев добросовестности в данном случае превалирует над внутренними субъективными опасениями судей.

Таким образом, из вышесказанного следует, что хотя следует производить обращение к судебной практике с осторожностью, проверяя объективность аргументации, всё же она является прекрасным подспорьем в решении проблемы толкования добросовестности.

Кроме того, создание однообразной судебной практики в последующем приводит к желаемой цели – постепенному внесению уточняющих поправок в отдельные нормы, ведь, как справедливо отмечает А. В. Коновалов, «поскольку практика использования прецедентов в целом не свойственна российской правовой культуре, по мере накопления уверенности в верности выбранного судами подхода (что может, в частности, выразаться в официальной позиции Верховного Суда Российской Федерации) судебная практика должна со временем реализовывать себя в законотворчестве – в соответствующей корректировке действующего законодательства»[14, с. 9].

Однако невозможно представить существование прецедентов по всем случаям и вопросам в принципе, поэтому в качестве второго способа выяснения критериев добросовестности можно предложить обращение к официальным разъяснениям государственных органов.

В качестве примера такого разъяснения можно привести Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 N 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре», в котором отмечены условия кредитного договора, не отвечающие принципу добросовестности, так как «они явно обременительны для заемщика, поэтому существенным образом нарушают баланс интересов сторон кредитного договора, так как предоставляют кредитору возможность в одностороннем порядке изменять согласованные сторонами условия договора, которые являются существенными для договоров такого вида»[11].

Ещё одним способом определения добросовестного поведения можно выделить так называемый подход «от противного». Согласно этому методу, доказывается недобросовестность поведения субъекта в том или ином случае, а соответственно, противоположное поведение можно считать добросовестным. Одним из факторов недобросовестного поведения многие учёные называют злонамеренность, то есть сознательное пренебрежение интересами другой стороны, умаление их в свою пользу.

Примером признания судом поведения субъекта недобросовестным через его злонамеренность может служить решение суда о признании недействительным договора купли-продажи, так как при его заключении имело место «осознанное занижение цены недвижимости, оговоренное покупателем и представителем продавца (сделка была осуществлена по доверенности), целью которого являлось лишение имущества продавца, а отнюдь не проведение честной сделки купли-продажи. Таким образом, был доказан факт наличия объективной недобросовестности через доказательство злонамеренности – покушения на чужое имущество»[31, с. 4].

Многие авторы раскрывают понятие добросовестности и добросовестного поведения через злоупотребление правом – они считают недобросовестное поведение и злоупотребление правом тождественными понятиями. Однако если обратиться к формулировке злоупотребления правом, указанной в п. 1 ст. 10 ГК РФ, можно выявить, что злоупотребление правом относится к недобросовестному поведению как частное к общему, это лишь один из его элементов, ведь недобросовестным поведением может являться не только осуществление прав, но и исполнение обязанностей.

Также, как справедливо отмечает Грудцына Л. Ю., «если недопустимость злоупотребления правом устанавливает запрет нарушения интересов другой стороны, причинения ей вреда, то добросовестность помимо этого предусматривает позитивные обязанности сторон: учет интересов другой стороны и честное поведение»[6, с. 88].

3.2 Принцип разумности

Несмотря на то, что разумность, в отличие от других рассматриваемых в данной работе категорий, не закреплена в качестве основного начала в статье 1 ГК РФ, нельзя отрицать, что она также является одним из важнейших принципов договорного права. Прямое упоминание о разумности в качестве принципа, содержащееся в п. 3 ст. 602 ГК РФ, использование таких понятий как «разумный срок» (ст. 314), «разумная цена» (ст. 524), «разумные меры» (ст. 404) и многих других свидетельствует о том, что необходимость соблюдения требований разумности пронизывает договорные правоотношения и играет огромную роль в их нормативно-правовом регулировании.

Как отмечает Гришина Я. С., «законодатель не включил разумность в круг основных категорий гражданского законодательства, что, как нам представляется, не оправданно, тем более, что указание на данную категорию как на принцип содержится в целом ряде статей ГК РФ»[5, с. 55]. Представляется возможным согласиться с мнением о необходимости законодательного закрепления разумности наряду с другими принципами в статье 1 ГК РФ.

Анализируя принцип разумности, нельзя не отметить его тесную связь с принципом добросовестности. Многие исследователи считают, что разумность, наряду со справедливостью, является составной частью добросовестности, так как три данных явления близки по смыслу и описывают необходимое поведение субъекта правоотношений, требуемое и ожидаемое правом. Однако необходимо отметить, что данные понятия несколько по-разному характеризуют поведение участников договорных правоотношений.

А. В. Коновалов, разграничивая разумность и добросовестность, указывает: «оценка разумности действий субъектов имеет более объективный характер, поскольку может использовать общепринятые

образцы поведения в конкретных типичных условиях, в том числе закрепленные нормативно. Для формулировки выводов о разумности поведения существует гораздо больше объективированных критериев, чем для оценки добросовестности в узком ее понимании»[15, с. 20]. Также необходимо помнить, что в некоторых ситуациях поведение субъекта может быть одновременно разумным, но недобросовестным.

Анализируя особенности и аспекты проявления разумности в праве, К.Е. Коваленко выделяет три критерия разумности:

- собственно-юридический критерий,
- социально-экономический критерий,
- нравственный критерий.

Суть собственно-юридического критерия состоит в том, что субъект договорных правоотношений, совершая юридически значимые действия, должен соблюдать баланс между своими интересами и интересами противоположной стороны.

Причём найти этот баланс субъект должен, опираясь на свою совесть, логическое мышление и накопленный жизненный опыт. «Субъект должен совершать действие, минимизируя возможные негативные последствия для другого лица. Границей разумности будут являться действия, учитывающее интересы обеих сторон: как действующего субъекта, так и того, в чьих интересах установлено требование разумности. Действие, являющееся менее эффективным для другого лица, чем разумное, является неправомерным»[13, с. 118].

Социально-экономический критерий проявляется в том, что разумными являются те действия, которые позволяют обеспечить для сторон максимальную выгоду, значительно уменьшить их расходы и минимизировать убытки. То есть, разумные меры должны быть экономически эффективными для субъектов договорного правоотношения. Автор указывает: «разумность означает соразмерность затрат убыткам, на

уменьшение которых были направлены предпринимаемые действия. Разумные меры не должны быть излишне обременительными»[13, с. 118].

Необходимо отметить, что, оценивая разумность действий субъектов, необходимо в каждом конкретном случае учитывать сущность договора и намерения каждой стороны, обстоятельства дела, а также сложившуюся в данной области практику и обычаи. Так, например, для оценки разумности цены в договоре суды обычно руководствуются среднерыночной ценой на подобные предметы договора.

Нравственный критерий разумности заключается в том, что по своей сущности разумное поведение субъекта вытекает из нравственного поведения, является его частью. Когда у субъекта имеются определённые нравственные идеи и ценности, он поступает согласно им, и следствием этого является разумное поведение. «Ценности накладывают на субъекта совершенно новую, имеющую иной характер обязанность подчиняться им. Если в понятие разумного мы молчаливо включаем ценности и их требования, то, естественно, разумным будет также следование этим требованиям в новом и более высоком смысле слова. Таким образом, чтобы быть разумным в этом смысле, субъект должен поступать позитивно в нравственном отношении»[13, с. 119].

Как уже говорилось выше, разумность применяется в ГК РФ по отношению ко множеству категорий договорного права. Требуя соответствия этих категорий принципу разумности, законодатель обеспечивает соблюдение баланса интересов сторон.

Рассмотрим подробнее некоторые условия договора, к которым закон предъявляет требование разумности. Так, например, обратимся к понятию разумного срока, которое является наиболее часто используемым в договорных отношениях. Статья 314 ГК РФ закрепляет обязанность исполнения договора в разумный срок, если в договоре не содержится условие о сроке. Множество специальных статей ГК РФ содержат отсылки на данную статью. Однако законодательство в большинстве случаев не

конкретизирует, какой именно срок является разумным, не даёт указания по его исчислению.

Рассуждая о законодательном закреплении исчисления разумных сроков, В.А. Мамонтов отмечает: «В связи с тем, что сроки могут устанавливаться для различных правовых ситуаций, критерии разумности, а значит и ее пределы, могут меняться. Поэтому установление универсальных пределов разумности сроков (например, от месяца до двух лет), с нашей точки зрения, не является оправданным»[17, с. 88]. Представляется возможным согласиться с данной позицией, ведь даже в судебной практике нет единых критериев и позиций, по которым суды оценивают разумность сроков договора, в каждом конкретном случае суд исходит из совокупности обстоятельств дела и руководствуется соображениями наибольшей эффективности.

В качестве примера можно привести случай, когда «суд установил в качестве разумного срок оплаты электроэнергии до 10 числа месяца, следующего за расчетным, хотя ответчик ссылался на необходимость применения семидневного срока, установленного абз. 2 п. 2 ст. 314 ГК РФ»[17, с. 88].

Как и в случае с разумностью сроков, такая категория как разумная цена также полностью отдаётся на усмотрение суда, так как для законодателя невозможно предвидеть и предусмотреть все случаи и все обстоятельства, способные повлиять на установление цены в договоре.

Так, несмотря на то, что чаще всего разумность определяется по отношению к существующей среднерыночной цене, в отдельном случае «суд не признал в качестве разумной цену на семена подсолнечника, соответствующую средней рыночной в области, сославшись на резкое увеличение цен на этот товар в спорный период времени в результате неурожая и сочтя среднерыночную цену завышенной»[17, с. 89].

Этот случай ещё раз доказывает, что суд может и не последовать устоявшимся и привычным правилам в зависимости от обстоятельств дела.

Это обеспечивает гибкость и динамичность правового регулирования договорных отношений.

Говоря о категориях договорного права, по отношению к которым законом предъявляется требование разумности, помимо условий договора следует отметить также разумность поведения субъектов договорных правоотношений. В отличие от добросовестности, которая предполагает отсутствие ущемления интересов противоположной стороны, в неразумность суды включают недостаточную заботу о своих собственных интересах, добровольное и осознанное подписание договора с заведомо невыгодными для себя условиями.

В связи с этим представляет интерес вопрос о разумности такого участника договорных правоотношений как потребитель. Общепринято, что потребитель является слабой стороной в договоре, закон устанавливает презумпцию отсутствия у него каких-либо дополнительных, специальных знаний о приобретаемом им товаре или услуге. Но это не означает, что к потребителю, как к заведомо слабой, то есть по сути неопытной стороне договора, не предъявляются требования о его разумности.

Приведём пример из судебной практики: обращаясь в суд с заявлением о включении в список кредиторов первой очереди, заявитель не предъявил доказательства того, что им был действительно исполнен договор банковского вклада и требовал применить к данным отношениям положения Закона «О защите прав потребителей». Из его объяснений следовало, что «договоры подписывались руководством Банка, что, по мнению заявителя, исключало сомнения в ненадлежащем оформлении договоров банковского вклада, несмотря на то, что вкладчику не были выданы приходно-кассовые ордера или выписки по счету, поскольку руководителем Управления неоднократно подтверждалось, что договоры являются документами, удостоверяющими прием вклада»[20, с. 152].

Суд отклонил данные требования, указав, что у заявителя имелась возможность ознакомиться с условиями договора банковского вклада, так

как он является стандартным, типовым для всех вкладчиков и выложен на всеобщее обозрение для ознакомления на сайте данного банка. Суд отметил: «Участие в отношениях по банковскому вкладу, не отвечающих общепринятым и общеизвестным стандартам поведения в сфере привлечения денежных средств физических лиц во вклад, не согласуется с презумпцией разумности и добросовестности участников гражданского оборота, установленной пунктом 3 статьи 10 Кодекса»[27].

Таким образом, можно сделать вывод, что потребитель не освобождается от требований разумности при участии в договорных правоотношениях и не может вместо этого ссылаться на отсутствие специальных знаний, дабы избежать последствия своего неразумного поведения.

Особо важной функцией принципа разумности, как уже указывалось ранее, является его применение судами при толковании договоров. В случае столкновения со спорным условием суду необходимо оценить его с точки зрения разумности и выяснить, как это условие понималось бы предполагаемым разумным лицом и как бы действовало это лицо, соответствует ли действительное поведение стороны договора принципу разумности, а также что необходимо предпринять и какие действия совершить для восстановления разумности договорного правоотношения.

В связи с этим необходимо обратиться к статье 431 ГК РФ, которая устанавливает правила толкования договора. Первый абзац данной статьи выводит для суда на первое место буквальное толкование договора – согласно прямому смыслу содержащихся в нём слов. Второй абзац гласит: «Если правила, содержащиеся в части первой настоящей статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику,

установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон»[4].

Таким образом, данная статья предлагает две абсолютно разные модели толкования договора – буквальное толкование и выяснение воли сторон, которая хотя и не следует из буквального смысла условий договора, но является истинной. Причём вторая модель применяется судом только в случае невозможности применения первой. Однако каким именно образом суд должен понять, что буквальное толкование договора является невозможным, представляется неясным.

А.В. Коновалов, анализируя данные модели толкования, отмечает: «не может не настораживать слишком существенная концептуальная разница между этими моделями. Способ толкования договора, предусмотренный в абз. 1 ст. 431, явно рассчитан на случаи, когда условия договора отражены в его тексте ненадлежащим образом и способны породить серьезные сомнения относительно подлинных намерений сторон. Грань, отделяющая возможность использования буквального толкования таких договоров от его невозможности, на практике может оказаться очень тонкой, при этом ее преодоление теперь будет переводить участников договорного правоотношения в принципиально иную систему терминологических и понятийных координат»[15, с. 19].

На данный момент трудно предложить какую-то альтернативную, более универсальную модель толкования договора, которая бы согласовалась с принципом разумности, поэтому решением данной проблемы может стать объединение предложенных в статье моделей. Представляется возможным не отдавать предпочтение только одной из двух техник толкования, а использовать их одновременно, то есть в совокупности.

Такой объединенный способ толкования договора отвечает принципу разумности и согласуется с позицией, высказанной Верховным Судом РФ по одному из рассмотренных дел: «суду независимо от наименования договора следовало установить его действительное содержание, исходя как из

буквального значения содержащихся в нем слов и выражений, так и из существа сделки с учетом действительной общей воли сторон, цели договора и фактически сложившихся отношений сторон»[21].

3.3 Принцип юридического равенства сторон

Так же, как и в случае с принципом свободы договора, принцип юридического равенства сторон закреплён в статье 1 ГК РФ, что подчёркивает его основополагающее значение в регулировании договорного права. В дополнение к этому данный принцип упоминается во множестве статей, посвящённых отдельным видам договоров, а именно в тех случаях, когда присутствует большая вероятность его несоблюдения.

Рассматриваемый принцип не означает, что стороны договорного правоотношения обладают абсолютно идентичным набором прав и обязанностей. Напротив, можно отметить, что в большинстве договорных правоотношений права и обязанности субъектов совершенно различны. Можно привести в качестве примера договор займа, в котором обязанной стороной является лишь заёмщик.

Более того, если бы законом устанавливался одинаковый объем прав и обязанностей для сторон договора, то несмотря на формальное уравнивание субъектов с буквальной точки зрения, их фактическое неравенство стало бы ещё больше, так как возникла бы опасность злоупотребления правом.

Суть данного принципа состоит в том, что стороны договорного правоотношения не состоят в отношениях власти и подчинённого, одна сторона не может диктовать и навязывать другой свою волю. Даже в том случае, когда одной из сторон договора выступает какой-либо орган власти, он всё равно не будет обладать какими-то специальными преимуществами, а будет таким же участником договора, как и любое другое лицо.

Также Гражданский кодекс закрепляет данный принцип в отношении Российской Федерации и её субъектов: «Российская Федерация, субъекты

Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами»[4].

Вместо того, чтобы утверждать об одинаковом объеме прав и обязанностей сторон, правильнее будет сказать, что они обладают равными возможностями в осуществлении своих прав и обязанностей.

Также стоит отметить, что принцип юридического равенства сторон договорного правоотношения неотделим от общеправового принципа равенства всех перед законом, поэтому можно сказать, что одним из аспектов данного принципа является то, что на всех участников договорных правоотношений одинаково распространяются нормы договорного права в частности и гражданского права в общем.

Рассматривая принцип юридического равенства, Пашацкая Л. В. справедливо отмечает, что «юридическое равенство проявляется не только в независимости, неподчиненности воле субъектов гражданского права, не только в свободе усмотрения, свободе договора и неприкосновенности собственности, а прежде всего в координированности поведения в соответствии с правами равных тебе субъектов»[22, с. 89].

Так же как и у любого принципа договорного права, у принципа юридического равенства сторон имеются свои ограничения. Так, например, в связи с профессиональной предпринимательской деятельностью для предпринимателей существуют установленные законом требования, более строгие по сравнению с другими субъектами договорных отношений.

Напротив, для потребителей, которые являются так называемой «слабой стороной» в договорных правоотношениях, закон устанавливает положения, обеспечивающие дополнительную защиту их интересов. В качестве примера можно привести уже упоминавшуюся ранее невозможность

отказа предпринимателя от заключения публичного договора, указанную в статье 426 ГК РФ: «отказ лица, осуществляющего предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить потребителю соответствующие товары, услуги, выполнить для него соответствующие работы не допускается»[4].

Также можно отметить существующую возможность покупателя отказаться от исполнения в таком виде договора, как розничная купля-продажа, «не в связи с нарушением договора, а в связи с существом договорных отношений»[22, с. 90].

Необходимо также отметить, что законодатель ограничивает принцип юридического равенства ещё и в области право- и дееспособности лиц, устанавливая возможность ограничения судом как правоспособности, так и дееспособности (статья 22 ГК РФ), а также устанавливая несколько различных видов дееспособности в зависимости от различных обстоятельств, вида юридического лица и так далее. Например, очевидно, что разным гражданам присущ различный объем прав в зависимости от их возрастной категории.

Стоит учитывать, что нарушение сторонами договора принципа юридического равенства сторон будет влечь за собой признание судом недействительным такого условия договора. Так, например, Арбитражный суд признал недействительным договор в части расчёта неустойки от общей цены договора. Суд особо отметил, что «начисление неустойки на общую сумму договора, без учёта надлежащего исполнения части работ, противоречит принципу юридического равенства»[25].

Таким образом, можно сделать вывод, что сущность принципа юридического равенства сторон состоит в равенстве юридических возможностей субъектов договора и в отсутствии господства воли одного из них над волей другого. В некоторых случаях данный принцип

ограничивается законом в целях грамотного баланса и соблюдения интересов субъектов и защиты слабой стороны.

Однако стоит отметить, что, несмотря на намерения законодателя следовать принципу юридического равенства в процессе нормотворчества, не во всех положениях, касающихся договорного права, можно проследить наличие достаточного равновесия прав и обязанностей субъектов. Так, обратимся к уже упоминавшейся ранее статье 782 ГК РФ и проанализируем её.

Данная статья предоставляет право отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг для обеих сторон: как для заказчика, так и для исполнителя. Но при этом для каждой из сторон установлены разные условия осуществления этого права. Так, «заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов»[4], однако «исполнитель вправе отказаться от исполнения обязательств по договору возмездного оказания услуг лишь при условии полного возмещения заказчику убытков»[4].

Теперь рассмотрим эти условия в контексте следующей ситуации: исполнитель и заказчик заключили договор возмездного оказания юридических услуг. Выполняя свою работу, юрист должен был составить юридическое заключение по вопросу, поставленному клиентом. В течение определенного времени юрист размышлял над данным вопросом, осуществлял поиск необходимой информации, анализировал нормы законодательства и судебную практику. В процессе данной деятельности заказчик решил в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора.

Согласно норме статьи 782 ГК РФ, заказчик в этом случае обязан оплатить фактически понесённые расходы. Однако в данном случае исполнитель-юрист не может рассчитывать на оплату, ведь он занимался лишь интеллектуальным трудом и фактически никаких расходов не нёс. Но всё это время он осуществлял работу по данному договору и не мог

заниматься никакой другой деятельностью. Соответственно, в контексте предложенной ситуации юрист оказывается в позиции слабой стороны договора, закон поставил его в рискованное положение. Представляется возможным отметить, что это не согласуется с принципом юридического равенства сторон.

Данной статье касался Высший Арбитражный Суд в уже рассмотренном ранее Постановлении «О свободе договора и ее пределах», который также обратил внимание на «неравное распределение между сторонами неблагоприятных последствий прекращения договора»[29].

Предлагая свой вариант толкования данной статьи, суд отметил, что её нормы «не исключают возможность согласования сторонами договора иного режима определения последствий отказа от договора (например, полное возмещение убытков при отказе от договора как со стороны исполнителя, так и со стороны заказчика) либо установления соглашением сторон порядка осуществления права на отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг (в частности, односторонний отказ стороны от договора, исполнение которого связано с осуществлением обеими его сторонами предпринимательской деятельности, может быть обусловлен необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне)»[29].

Однако, как показал ранее проведенный анализ судебной практики, судам всё ещё сложно прийти к единому мнению о том, позволяет ли законодательство и поставленные в нём цели устанавливать иные условия одностороннего отказа от исполнения.

Поэтому представляется возможным окончательно привести статью 782 в соответствие с позицией Высшего Арбитражного Суда на уровне законодательства, добавив туда возможность для сторон предусмотреть в договоре иной порядок и последствия одностороннего отказа от исполнения договора.

Итак, были детально рассмотрены несколько основных принципов договорного права, выявлена их сущность и влияние на регулирование договорных правоотношений.

Так, следование принципам добросовестности, разумности и юридического равенства сторон является одним из важнейших критериев правомерности действий сторон по заключению, исполнению и расторжению договора, а также критерием правомерности условий договора.

Также были выявлены некоторые проблемы и несовершенства в работе данных принципов и их законодательном регулировании и предложены возможные варианты их преодоления и направления дальнейшей работы над ними.

Во-первых, была выявлена проблема отсутствия законодательно закрепленного определения добросовестности, а также отсутствие в законе её четких критериев.

Для преодоления данной проблемы было предложено обратиться к помощи различных средств выяснения данных критериев: в первую очередь к судебной практике, а также к официальным разъяснениям государственных органов, а также к раскрытию недобросовестного поведения через злонамеренность и злоупотребление правом.

Совокупность данных средств позволит создать единое понимание критериев добросовестности, что в последующем приведёт к желаемой цели – постепенному внесению уточняющих поправок в отдельные нормы.

Во-вторых, была выявлена проблема соответствия существующих способов толкования договора принципу разумности, и сложности понимания, какой именно из способов толкования подлежит применению в каждом конкретном случае.

Решением данной проблемы может стать использование способов толкования не по отдельности, а одновременно, то есть следует принимать во внимание как буквальное содержание договора, так и заложенную в нём истинную волю сторон.

Также было предложено закрепить разумность наряду с другими принципами права в статье 1 ГК РФ, так как прямое упоминание о разумности в качестве принципа содержится во множестве статей ГК РФ.

Это ещё раз подтвердит важность принципа разумности для гражданского права в целом и договорного права в частности и укажет на необходимость подчинения данному принципу.

В-третьих, была выявлена проблема несоответствия норм статьи 782 ГК РФ принципу юридического равенства сторон, так как она ставит одну из сторон в рискованное положение.

Для преодоления данной проблемы было предложено изменить статью 782 ГК РФ, расширив права сторон по установлению условий, касающихся порядка и последствий одностороннего отказа от исполнения договора и предоставив им самим определять данные условия.

Это устранил неопределённость по данному вопросу, которая сложилась на текущий момент в судебной практике.

Заключение

В данной работе были раскрыты такие явления как основные принципы договорного права. Они были рассмотрены достаточно детально, с учётом всех многочисленных аспектов, была выявлена их сущность и влияние на регулирование договорных правоотношений.

Таким образом, можно сказать, что поставленные в работе задачи были выполнены, и соответственно, достигнута цель исследования. Подведём общие итоговые выводы.

Принципы договорного права – это основополагающие фундаментальные содержательно ёмкие универсальные правовые начала и положения, регулирующие договорные правоотношения. Данные идеи объективно отражают взаимосвязь общественных, экономических и правовых явлений, являются законодательно закреплёнными и охраняемыми государством и в своей совокупности образуют систему.

Было выявлено правовое значение данных категорий, важнейшим является то, что они закладывают саму основу договорного права. Также принципы поддерживают законность и порядок в стране, формируют нормы договорного права, помогают восполнять пробелы законодательства и переносят нормы морали в сферу права.

Также были выявлены некоторые проблемы и несовершенства в реализации данных принципов на практике и их законодательном регулировании и предложены возможные варианты их преодоления и направления дальнейшей работы над ними.

Во-первых, при анализе действия принципа свободы договора была выявлена проблема различного толкования судами одних и тех же норм договорного права по поводу отнесения их к императивным или диспозитивным для сторон. Для преодоления данной проблемы было предложено сделать данные нормы диспозитивными на уровне

законодательства. Это обеспечит реализацию принципа свободы договора, а также упростит работу судов.

Во-вторых, при рассмотрении принципа добросовестности выяснилась проблема отсутствия определения и критериев добросовестного поведения в законодательстве. Решением данной проблемы может стать постепенное выявление критериев добросовестности через совокупность различных средств: судебной практики, официальных разъяснений государственных органов, злонамеренность и злоупотребление правом. По ходу выяснения критериев добросовестности и приведения их к единому, общему мнению, станет возможным внести эти критерии в отдельные нормы договорного права.

В-третьих, анализируя реализацию принципа разумности, было выявлено неполное соответствие существующих способов толкования договора данному принципу. Решением данной проблемы может стать использование существующих способов не по отдельности, а в совокупности, чтобы суды выясняли как буквальное содержание договора, так и истинную волю сторон.

В-четвёртых, при рассмотрении соответствия норм ГК РФ принципу юридического равенства сторон было выявлено, что статья 782 ГК РФ ставит одну из сторон договора в рискованное положение по сравнению с другой стороной. Для преодоления данной проблемы было предложено внести изменения в данную статью, предоставив сторонам право самим устанавливать условия, касающиеся порядка и последствий одностороннего отказа от исполнения договора.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абсалямова, Т. О. Принцип юридического равенства сторон / Т. О. Абсалямова, О. С. Подмарькова // Инновационная наука. – 2016. – № 1–3. – С. 113–116.
2. Введенский, Б. А. Большая Советская энциклопедия / Б.А. Введенский. – Москва : Гос. науч. издат. «Большая Советская энциклопедия», 1955. – 1088 с.
3. Вольфсон, В. Л. После ВАС: доктрина свободы договора в современном российском правоприменении / В. Л. Вольфсон // Закон. – 2016. – № 9. – С. 1–10.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. – URL : <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 12.02.2022).
5. Гришина, Я. С. Принцип добросовестности в реализации и защите субъективных гражданских прав сторон договора в Англии и России / Я. С. Гришина, Л. В. Борисова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 47. – С. 45–65.
6. Грудцына, Л. Ю. Недопустимость злоупотребления правом, добросовестность и разумность в договорном праве / Л. Ю. Грудцына // Закон и право. – 2021. – № 12. – С. 86–91.
7. Гурьянова, Н. В. Принцип свободы договора как основополагающий принцип договорного права / Н. В. Гурьянова // Юридический факт. – 2019. – № 76. – С. 13–16.
8. Гучапшев, Ш. А. Принцип свободы договора как основополагающий принцип договорного права / Ш. А. Гучапшев // Вестник магистратуры. – 2020. – № 2–3 (101). – С. 79–81.
9. Далакян, Г. А. Принцип добросовестности в гражданском законодательстве / Г. А. Далакян, М. З. Кегадуев // Научные междисциплинарные исследования. – 2020. – № 7. – С. 112–121.

10. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 11.06.2021) «О защите прав потребителей». – URL : <https://base.garant.ru/10106035/> (дата обращения: 16.02.2022).

11. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13 сентября 2011 г. N 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре». – URL : <https://base.garant.ru/58203775/> (дата обращения: 01.04.2022).

12. Климова, А. Н. Понятие и значение принципов гражданского права: теоретические и практические аспекты / А. Н. Климова // Юридическая наука. – 2014. – № 4. – С. 85–89.

13. Коваленко, К. Е. Формы проявления принципа разумности в праве / К. Е. Коваленко // Известия АлтГУ. – 2013. – № 2 (78). – С. 117–120.

14. Коновалов, А. В. Принцип добросовестности в новой редакции гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике / А. В. Коновалов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 4–14.

15. Коновалов, А. В. Принцип разумности в гражданском праве / А. В. Коновалов // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 8 (105). – С. 11–21.

16. Мальцев, Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев – Москва : Норма – ИНФРА-М, 2011. – 800 с.

17. Мамонтов, В. А. Проблема реализации принципа разумности в российском гражданском праве / В. А. Мамонтов // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 6. – С. 87–90.

18. Маннанова, А. А. Ограничение принципа свободы договора в гражданском праве Российской Федерации / А. А. Маннанова // Молодой ученый. – 2020. – № 46 (336). – С. 280–284.

19. Мудункаева, Г. А. Принцип свободы договора в гражданском праве: теоретические аспекты / Г. А. Мудункаева, Э. К. Хазыкова // В мире научных открытий. – 2016. – С. 150–153.

20. Образцова, В. И. Проблемы применения принципов разумности и добросовестности при регулировании договорных отношений с участием потребителей / В. И. Образцова // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 4. – С. 151–157.

21. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2019 г. N 11-КГ19-3. – URL : <https://base.garant.ru/72215910/> (дата обращения: 08.04.2022).

22. Пашацкая, Л. В. Принцип юридического равенства участников гражданских правоотношений в розничной купле-продаже / Л. В. Пашацкая // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2012. – № 1 (40). – С. 88–91.

23. Понкин, И. В. Понятие «Принцип» в праве / И. В. Понкин // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 281–283.

24. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 7 октября 2016 г. N Ф05-14028/2016 по делу N А40-213306/2015. – URL : <https://base.garant.ru/41856678/> (дата обращения: 26.03.2022).

25. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 января 2017 г. N Ф05-20776/16 по делу N А40-25303/2016. – URL : <https://base.garant.ru/41870937/> (дата обращения: 18.02.2022).

26. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 04 апреля 2017 г. N Ф06-19060/2017 по делу N А55-10106/2016. – URL : <https://base.garant.ru/39244868/> (дата обращения: 26.03.2022).

27. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25 ноября 2014 г. N Ф08-8313/14 по делу N А32-35975/2013. – URL : <https://base.garant.ru/40667583/> (дата обращения: 05.04.2022).

28. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2017 г. N 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи

302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца». – URL : <https://base.garant.ru/71705124/> (дата обращения: 28.03.2022).

29. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах». – URL : <https://base.garant.ru/70628260/> (дата обращения: 13.02.2022).

30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». – URL : <https://base.garant.ru/71100882/> (дата обращения: 19.02.2022).

31. Рыженков, А. Я. Принцип добросовестности в обновленном гражданском законодательстве / А. Я. Рыженков // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 3. – С. 1–4.

32. Тихомирова, Ю. Н. О понятии принципа свободы договора / Ю. Н. Тихомирова // Теория и практика современной юридической науки. – 2020. – С. 306–309.

33. Хмелева, Т. И. Реализация принципов добросовестности и свободы договора в кредитных отношениях / Т. И. Хмелева, И. Ю. Кузнецова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 5 (124). – С. 108–115.

34. Шамаров, В. М. Содержание понятия «принципы права» / В. М. Шамаров, В. Н. Казаков // Вестник Екатеринбургского института. – 2015. – № 4(32). – С. 131–136.

35. Эриашвили, Н. Д. Принципы права и их значение в правовом регулировании / Н. Д. Эриашвили, Ю. А. Иванова, Т. В. Радченко // Образование и право. – 2020. – № 7. – С. 59–63.